

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СУДЬБЫ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА: МНЕНИЕ ДЕЛОВЫХ КРУГОВ США

С.В. Листиков

Начало войны в Европе повергло многих граждан США в состояние шока. Первая реакция была эмоциональной, навеянной новостями об ужасах войны. Но уже тогда была высказана неоднократно повторявшаяся потом мысль: война прерывает поступательное, нормальное развитие общества; становится “чрезвычайным”, особым периодом его. Вместо созидательного труда, накопления материальных и духовных богатств – смерть и разрушение. Экономические ресурсы сражающихся сторон собираются в единый кулак; человек полностью теряет свободу, превращается в маленький винтик большой военной машины; духовная жизнь целиком подчинена обслуживанию потребностей войны. “Чрезвычайные” условия войны, созданная ею динамичная ситуация требуют решительных действий и нетрадиционных подходов к социальным, экономическим, политическим проблемам. Цель – победа в войне – оправдывает любые средства ее достижения, о последствиях никто не думает. В обществе подспудно набирают силы процессы, которые очень сложно контролировать, а результаты их – невозможно предсказать¹.

Анализу тенденций и перспектив развития американского общества влиятельными газетами и журналами деловых кругов – “Коммершиал энд файненшиал кроникл” (КФК), “Бэнкерз мэгазин” и “Америкен менаджмент ревью” – в сложный, противоречивый период первой мировой войны посвящена эта статья. Отметим, что они отражали настроения наиболее прогрессивной части предпринимателей – банковских, а также тесно связанных с управленческой элитой промышленных кругов.

Отечественные историки к этому сюжету еще не обращались. Рассматривая проблемы предвоенного периода, они связывали вопрос социального прогноза правящего класса главным образом с деятельностью дальновидных представителей буржуазной интеллигенции (преимущественно – реформистской ориентации)². Это отодвинуло на задний план проблему идейно-политической позиции предпринимательских групп. Их поведению в годы первой мировой войны давалась односторонняя оценка: целиком доверив защиту “совокупных интресов” политикам, бизнесмены якобы подчинили все помыслы наживе, борьбе с рабочими, с ради-

¹ Commercial and Financial Chronicle. 1917. Febr. 17. P. 598; 1918. July 13. P. 113 etc. (Далее: CFC).

² *Согрин В.В.* Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975; *Белявская И.А.* Буржуазный реформизм в США (1900–1914). М., 1968; *Козенко Б.Д.* “Новая демократия” и война: Внутренняя политика США (1914–1917). Саратов, 1980.

кальными организациями. Появлению подобного представления в небольшой степени способствовало господство идеологических стереотипов, определявших концепцию исторического периода, в центре которой стояла Октябрьская революция в России. Считалось, что обладавшие монополией на знание законов общественного развития большевики в России и их последователи в других странах взяли в свои руки инициативу в определении путей прогрессивного развития общества; правящий класс был наделен ограниченным видением социальной перспективы и не мог занять иной, кроме оборонной, позиции.

Многие глубокие исследования американских авторов посвящены проблемам предпринимательской идеологии и практики конца XIX – начала XX в., многогранным отношениям между капиталом и государством в годы первой мировой войны³. Мне, однако, не удалось найти работ, содержащих анализ идейно-политических позиций деловых кругов в годы первой мировой войны, оценку ими перспектив американского общества в связи с развивавшимися в нем сложными процессами, и в первую очередь резким усилением воздействия государства на экономическую, социально-политическую, духовную жизнь.

Официально США в августе 1914 г. заняли по отношению к войне позицию нейтралитета. Вместе с тем общественно-политическая дискуссия об открывавшихся перед страной в связи с событиями в Европе перспективами сразу приобрела острый характер. Представители деловых кругов приняли в ней самое активное участие, взвешивая все “за” и “против” вступления в войну. Многие склонялись к мысли, что участие в ней США неизбежно, и пытались прогнозировать, как будут выглядеть они в сравнении с другими державами, уже имевшими немалый опыт участия в войне, и в каком направлении будет развиваться американское общество. Сопоставление велось главным образом с Германией: по мере ухудшения отношений на нее смотрели как на наиболее вероятного противника.

Американские предприниматели в первую очередь обращали внимание на исключительное значение государства, бюрократического аппарата для мобилизации сил Германии и обеспечения ее успехов на начальном этапе войны. Сравнение состояния германской и американской промышленности было явно не в пользу последней. Первая считалась образцом организованности и эффективности. Основные слагаемые успеха – всеобъемлющий контроль государства над экономикой, субсидирование им подготовки научно-технических кадров, поощрение прогрессивных форм организации производства, внедрение новейших техники и технологии (что при немецкой деловитости и аккуратности быстро принесло плоды). В США, обладавших мощной индустрией, во многом наблюдалась обратная картина: острейшая конкуренция корпораций, отсутствие координации действий между различными отраслями промышленности,

³ *Cuff R.D.* The War Industries Board: Business–Government Relation During World War I. N.Y., 1973; *Thimm A.L.* Business Ideologies in the Reform-Progressive Era, 1880–1914. Univ. of Alabama press, 1976, etc.

недостаток квалифицированных кадров, медленное внедрение научных достижений в производство⁴.

Ссылаясь на мнения издававшегося Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк журнала “Америказ”, а также адвоката предпринимательской Национальной ассоциации производителей металла Дж. Эмери, “Америкен менеджмент ревью” утверждал, что немецкий рабочий являет пример высокопроизводительного труда, беспрекословного исполнения воли начальства и этим “выгодно” отличается от своего собрата в США. Американских бизнесменов беспокоил более высокий, по сравнению с американским, уровень профессиональной подготовки немецкого рабочего. Причина – формировавшаяся веками в Германии система подготовки за счет государственных средств. Правительству и предпринимателям удалось пробудить в немецком рабочем чувство патриотизма, способность “жертвовать всем во имя победы”; Германия приблизилась к достижению идеала социального мира. В США, наоборот, “чрезмерные” требования рабочих и стачки мешали движению за эффективность производства, начатому капиталистами. В Германии профсоюзы по существу превратились в институт государства, решавший задачу организации рабочих для выполнения задач военного производства, в США тред-юнионы стали базой антивоенного движения⁵.

Многие американские предприниматели были весьма самокритичны, полагая, что для эффективной работы им недостает как раз тех качеств, которыми обладают их немецкие коллеги. Президент “Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк” Ф. Вандерлип считал главным среди них неумение совмещать личные интересы и служение общественному благу⁶. Привычка к мирной жизни, относительно легкий доступ к большим запасам природных богатств, ориентация в основном на емкий внутренний рынок – все это сделало предпринимателей США менее, чем предприниматели Германии, инициативными, не столь дальновидными, не восприимчивыми к новым идеям, как они.

Один из авторов журнала “Америказ” отмечал, что отношения между государством и капиталом в США неудовлетворительные, что они препятствуют динамичному развитию последнего. Между тем сотрудничество между бюрократическим аппаратом и предпринимателями в Германии представлялось ему едва ли не идеальным. Политические круги Германии стремились поднять уровень репутации бизнеса в обществе как можно выше (в США все обстояло наоборот), поощряя объединения капиталистов на борьбу с конкурентами на мировых рынках (в США такие объединения подвергались преследованиям по антитрестовскому законодательству). Защиту интересов германских корпораций обеспечивала сильнейшая в мире армия⁷.

⁴ American Management. Review. 1916. Aug. P. 7; Sept. P. 31.

⁵ Ibid. 1916. July. P. 1; Sept. P. 25.

⁶ Ibid. Febr. P. 23.

⁷ Ibid. Aug. P. 4–5; 1917. Febr. P. 30.

В свою очередь, армия в Германии была объектом постоянной заботы государства и общества. Милитаризм составлял естественную основу “германской модели”, все ее элементы работали на экспансию, захват рынков, усиление немецкого влияния в мире. Дух милитаризма прививался с детства – ребенка приучали видеть себя солдатом в тылу и на фронте. Один из высокопоставленных должностных лиц Пенсильванской железнодорожной компании, некто П. Крузпойнстер, высказал мнение, что милитаризм – немецкая традиция, восходящая к средневековью, когда в условиях постоянных конфликтов и столкновений каждый был не только ремесленником, но и воином⁸.

Весь ход рассуждений подводил прессу капитала к выводу, наиболее четко прозвучавшему в критический для США момент – вступления в войну: в мире происходит противоборство двух начал – военного, авторитарного, образцом которого стала Германия, и демократического, самым ярким представителем которого были США. Американское общество нельзя назвать совершенным. Однако при всех недостатках “демократическая модель” имеет здоровую основу – индивидуализм предпринимателей, создавших мощную экономику, систему политических институтов⁹. Сложился механизм выявления и устранения существующих изъянов, позволяющий системе постоянно совершенствоваться. Естественное состояние для США – мирное, нормальное развитие. “Германская модель” ориентирована на экстремальные условия – на войну, которая по существу и есть ее нормальное состояние, где проявляются ее сильные стороны.

По мере того как США приближались к вступлению в войну самое широкое заимствование германского опыта многим казалось неизбежным. Речь в первую очередь шла о крупномасштабном участии государства в решении социально-экономических, политических, военных и иных проблем. Уже упоминавшийся Ф. Вандерлип предлагал американским предпринимателям альтернативу: либо они извлекут уроки из проведенного на европейской почве “обширного эксперимента государственного социализма”, либо народ США заплатит ту же измеряемую человеческими жизнями “ужасную цену”, которую уже заплатили противники Германии в Европе¹⁰. Замечу, что эта точка зрения отнюдь не преобладала среди представителей деловых кругов. Отражавшие их мнение органы печати признавали, что обстоятельства принуждают перенять многое из германского опыта. Однако перенимать его предполагалось очень осторожно, не разрушая основ “американской системы”. Такая позиция обосновывалась рядом серьезных соображений – и принципиального, и практического порядка.

Созданию мощной армии, смоделированной по германскому образцу, мешало не только восприятие ее как неотъемлемого элемента политиче-

⁸ Ibid. 1916. Dec. P. 33.

⁹ CFC. 1917. Mar. 31. P. 1191; Febr. 17. P. 597.

¹⁰ American Management Review. 1916. Febr. P. 24.

ской структуры, чуждой американской. Бизнесмены в США понимали, что содержание такой армии потребует значительного увеличения государственных расходов. Как латать бюджетные дыры? Для многих естественным выходом казалось многократное увеличение налогов на капитал (опыт европейских стран подсказывал именно этот путь). Трезвый учет сложившихся в мире реальностей убеждал американских капиталистов: реальной угрозы вторжения в США не существует. С другой стороны, рост влияния США в мире будет определяться в первую очередь успехами промышленности и торговли, умелой демонстрацией превосходства системы политических институтов, способной завоевать доверие народов других стран. Контролер банков штата Нью-Йорк Л. Ричардз выразил широко распространенное среди деловых людей мнение, когда отмечал: участие США в войне может ограничиться главным образом поставками товаров союзникам и их финансированием¹¹. Не удивительно, что весьма влиятельные органы печати деловых кругов не торопились поддержать “ястребов”, занимали весьма осторожную позицию по вопросам военного строительства¹².

Вопрос этот был лишь одним из аспектов широкой проблемы “готовности” к войне. Важнейшей оставалась задача мобилизации экономики. И здесь противники значительного усиления вмешательства государства находили убедительные аргументы в свою пользу. Во-первых, рассуждали они, нет гарантий, что передача той или иной отрасли производства из частных рук под контроль государства сделает ее функционирование более эффективной. Анализ деятельности правительственных служб, в частности почтовой, показывал: работа ведется “без должного учета и ответственности”, в “отсутствие системы и направленности, сообразно привычкам многословных государственных чиновников...”. Постоянно увеличивается статья расходов на оплату труда рабочих, добывающих уступок давлением на тех же чиновников. Бюрократы получают привилегии – в то время как налогоплательщикам приходится покрывать растущие издержки почтовой службы из своего кармана¹³.

Деловые круги внимательно следили за баталиями в конгрессе, где обсуждались планы строительства государственных предприятий по производству военной продукции. КФК считала, что в случае их реализации будут нарушены деловые связи между корпорациями, тысячи фирм, в той или иной мере работающих на оборону, начнут терпеть убытки. В столь критический момент, требующий национального единства, вновь

¹¹ Ibid. July. P. 69; CFC. 1917. Jan. 27. P. 320, etc.

¹² Проблема разногласий среди представителей американского капитала по вопросам введения всеобщей воинской повинности, создания мощного флота, подготовки офицерского состава и ряду других заслуживает, несомненно, самостоятельного изучения. Американские исследователи уделяют основное внимание инициативной роли, которую играла в кампании “военной готовности” наиболее агрессивно настроенная часть деловых кругов. См., например: *Chambers J.W. To Raise an Army: The Draft Comes to Modern America*. L., 1974. P. 77–124.

¹³ *Bankers Magazine*. 1916. Dec. P. 526, 527; CFC. 1916. Apr. 29. P. 1573.

всплывут острые, способные вызвать шумную дискуссию и расколоть общество вопросы. Один из них – может ли частный капитал установить контроль над водными ресурсами или это компетенция исключительно государственных властей?¹⁴

Бизнесмены предлагали свою модель организации экономики – на основе разумного сочетания принципов государственного регулирования и “самоорганизации” делового мира, максимального использования его творческого потенциала, присущих капиталистам качеств – ответственности и патриотизма¹⁵. В период участия США в войне эта идея нашла конкретное выражение, во-первых, в создании капиталистами комитетов по отраслям промышленности; во-вторых, во взаимодействии с государственными ведомствами, решавшими вопросы производства; в-третьих, в массовом переходе бизнесменов на государственную службу; в-четвертых, в достаточно точном соблюдении корпорациями установленных для них правил функционирования. Регламентация эта была весьма жесткой – контроль над ценами на сырье и продукцию, порядок распределения материалов, высокие налоги на прибыль. В ряде отраслей государственное участие приобрело весьма радикальные формы: установление контроля над железными дорогами, телеграфом, телефоном, по существу – в судостроительной промышленности; создание казенных заводов (производство нитратов, взрывчатых веществ)¹⁶.

Еще до завершения войны КФК склонна была позитивно оценивать ее опыт. Газета отмечала, что в “чрезвычайных” условиях возникла в целом удовлетворявшая предпринимателей специфическая модель отношений между капиталом и государством, что она занимает место где-то на полпути между классической американской моделью в мирные времена и европейской в военные. Достигнутый на коротком историческом отрезке времени союз предпринимателя и чиновника признавался неизбежным. “Мы считаем, что государственная политика усиления центральной власти была необходимой как временная, соответствующая задачам победы в войне”, – признавала газета¹⁷. Эту мысль дополняла другая: “чрезвычайный” период рано или поздно завершится, а переход к мирным условиям породит массу новых проблем. Эта идея тем настойчивее звучала со страниц прессы деловых кругов, чем явственнее обнаруживалось превосходство Антанты над противниками. С середины 1918 г. статьи КФК стали регулярно посвящаться американскому обществу и путям дальнейшего его развития.

Отмечалось, что достигнутый в годы войны разумный баланс интересов государства и капитала – вещь хрупкая и недолговечная; что про-

¹⁴ CFC. 1916. Apr. 1. P. 1213; Apr. 15. P. 1378; Apr. 29. P. 1573. Газета сообщала, что проект строительства казенного завода по выпуску броневых плит стоимостью 11 млрд долл. рассматривался конгрессом, что планировалось строительство государственных предприятий по производству нитратов.

¹⁵ CFC. 1917. Jan. 27. P. 321; American Management Review. 1917. Jan. P. 4.

¹⁶ Cuff R.D. Op. cit.; Sobel R. The Age of Giant Corporations: A Microeconomic History of American Business, 1914–1984. Wash. etc., 1984. P. 6–21.

¹⁷ CFC. 1918. July 6. P. 16; Apr. 17. P. 636–637.

цесс огосударствления (в первую очередь в экономике) по меркам мирного времени зашел слишком далеко. Он приобретает почти неконтролируемый характер, захватывает новые отрасли производства¹⁸. Перед США открывается выбор альтернативных путей развития, и первый очевиден: по завершении войны возвратиться к традиционным, “нормальным” условиям функционирования экономики.

Приоритет деловых кругов, однако, отдавали изучению менее желательного варианта. Главное внимание уделялось анализу того влияния, которое оказывал процесс огосударствления на экономическое, социально-политическое, духовное развитие американского общества.

Разрушению подвергались основы общества. Размышляя на эту тему, авторы одной из редакционных статей в КФК не случайно обращались к проблемам сельского хозяйства. Здесь действие естественных сил ощущалось наиболее явственно, а потому удушающее влияние государственного контроля выступало наиболее контрастно. В большей степени, чем в промышленности, сельскохозяйственное производство определялось не подчинявшимися государственному диктату факторами: погодными и природными условиями, накопленными фермерами десятилетиями навыками и знаниями. Попытки их подмены администрированием (к примеру, указанием, под какую культуру отводить те или иные земли) почти неизбежно должны были провалиться, обернуться “национальной трагедией”.

Газета считала, что практиковавшаяся в годы войны государственная политика нормирования потребления сельскохозяйственных продуктов, распределения техники и удобрений, регулирования цен на продукцию, кредитования фермерства¹⁹ нарушала естественный, традиционный уклад жизни земледельца. И кто знает, будет ли фермер благодарен завтра за те меры, которые сегодня считаются принятыми в “его” интересах? Федеральный закон о фермерском кредите (1916 г.) значительно облегчил получение кредитов в банке, и фермер влезал в новые долги. Их выплата зависела прежде всего от естественных факторов, в первую очередь от плодородия земли. При неблагоприятном стечении обстоятельств фермер превращался в несостоятельного должника. Вывод был очевиден: набравший стремительные темпы процесс огосударствления экономики деформирует налаженный механизм рынка: “Обстоятельства вынуждают вмешиваться в старые законы спроса и предложения... контроль над распределением нарушает естественные условия продажи; контроль над использованием (продуктов. – С.Л.) воздействует на источник, обеспечивающий производство”, – писала КФК²⁰.

¹⁸ Ibid. Oct. 5. P. 1519.

¹⁹ О государственном регулировании сельского хозяйства в период первой мировой войны подробнее см.: *Mullendore W.C. History of the United States Food Administration, 1917–1919.* Stanford, 1941; *Danbom D. The Resisted Revolution: Urban America and the Industrialization of Agriculture, 1900–1930.* Ames, 1983.

²⁰ CFC. 1918. July 13. P. 113–114.

Параллельно происходили качественные изменения системы отношений, в которые люди вступали в процессе труда. Законы рыночной экономики определяли жизнеспособность любого предприятия. Преступавший их предприниматель – например, позволявший себе уступить давлению профсоюзов и увеличить издержки производства за счет повышения зарплаты рабочим – не выдерживал конкуренции, разорялся. Такое повышение должно было быть экономически оправданно, согласовано с ростом прибылей за счет увеличения производительности труда, использования более совершенных форм его организации и иных факторов.

Иное дело, говорилось в одной из опубликованных в КФК статей, бюрократ, чиновник, политик – не являясь владельцами собственности, они легче уступают требованиям рабочих. Последние утверждались во мнении, что путь к материальному достатку не производительный, упорный труд, а конфронтация с работодателями и борьба за больший “кусочек пирога”. При этом заботы о его дележе вытесняли мысль о необходимости увеличения национального богатства. Общество нищало, рабочий фактически диктовал управляющим свои условия²¹.

Далее в статье говорилось, что процесс огосударствления угрожает сложившимся в американском обществе отношениям собственности. Причем многие шаги администрации демократов воспринимались именно как нарушение тех фундаментальных принципов, приверженность которым определяла действия граждан и в конечном счете благополучие и стабильность общества в целом. Так, осенью 1918 г. в конгрессе обсуждался билль, предусматривавший значительное увеличение налога с корпораций и лиц с высокими доходами. Предлагая свою альтернативу проекту, КФК предупреждала: “Чрезмерные ставки налогов и налоги, нацеленные на (ограничение. – С.Л.) прибылей небольшого числа относительно богатых (граждан) – хитрый и неверный подход решения проблем чрезвычайного периода. Все вместе это скрытое наступление на права собственности”²².

Естественно, станет ненужной система юридических норм, гарантирующих права собственников, и обеспечивающий их соблюдение механизм. Так, вся деятельность Железнодорожной администрации²³ сопровождалась ущемлением прав собственника. Исходя из соображений дос-

²¹ CFC. 1918. July 20. P. 220; Nov. 16. P. 1885.

²² Ibid. Sept. 21. P. 1131; Sept. 28. P. 1149. По подсчетам Комитета по штатским и местным налогам Торговой палаты штата Нью-Йорк, в случае принятия законопроекта налоги на индивидуальные доходы должны были составить в 1482 млн долл. (на 552 млн больше, чем в 1918 г.), на доходы корпораций – 894 млн (на 365 млн больше), на сверхприбыли – 3200 млн долл. (на 1408 млн больше). В качестве альтернативы комитет предлагал строжайшую экономию государственных расходов, более равномерное распределение налогового бремени между различными социальными группами (CFC. 1918. Sept. 21. P. 1148).

²³ Железнодорожная администрация – правительственное ведомство, созданное в декабре 1917 г. для управления переходившего в “чрезвычайных” условиях под контроль государства железнодорожного транспорта (см.: *Hines W. War History of American Railroads. New Haven etc., 1928*).

тижения максимальной эффективности военных перевозок, она отказалась от использования некоторых железнодорожных линий. Владелец понесли убытки: были разорваны выгодные контракты, разрушилась материальная часть, создание которой потребовало “миллиардов долларов и труда поколений людей”²⁴. Если исходить из юридических норм демократического общества, то государство как арендатора собственности следовало привлечь к суду за нанесение материального ущерба ее владельцу. Или следовало признать, что огосударствление ведет к всевластию политических структур и полному бесправию личности.

Тем более что, считала КФК, опасность нависла и над системой политических институтов США. В период войны, во-первых, выверенное десятилетиями разумное соотношение сил между исполнительной и законодательной властями было нарушено в ущерб последней; президент получил “почти неограниченные” по существу диктаторские права. Во-вторых, шел процесс централизации власти, – “вопрос о правах штатов и суверенитете считается как бы умершим, в сенате уже была произнесена фраза: в сохранении правительств штатов нет никакой нужды...”²⁵. Выказывалась тревога за судьбу двухпартийной системы: по высказанной в КФК мысли, она могла утратить функции важнейшего механизма жизнеобеспечения американского общества. Утверждалось, что “во имя победы над Германией” от законодательного корпуса исполнительные структуры требовали отказаться от критики любых действий демократической администрации, на ослушившихся сыпались обвинения в “отсутствии патриотизма”. По существу В. Вильсон и его окружение пытались избавиться от политической оппозиции, столь необходимой для поисков разнообразных путей обнаружения и лечения “больных” проблем тогдашнего американского общества.

Образ мыслей и поведение не только политиков, но и простых граждан, формировавшийся в психологической атмосфере войны, пресса деловых кругов относилась к числу опасностей, подстерегавших “американскую систему”. Сложившийся стереотип поведения, требовавший от каждого безоговорочной поддержки правительства, предполагал нетерпимое отношение к антивоенным и социалистическим силам. Многие представители деловых кругов приняли участие в кампании борьбы с ними, рассматривая радикалов как кучку изгоев, не принявших ценностей американского общества и, в свою очередь, отвергнутых им.

Постепенно, однако, к бизнесменам приходило осознание того, что борьба против левых переросла в историческую травлю всякого инакомыслия, даже несущего позитивный заряд, – служащего совершенствованию “американской системы”²⁶. Война породила стандартизацию мышления, его “национализацию”. Это грозило лишить американское общество питавших его животворных соков, свободомыслия. Возбужденная толпа, одурманенная патриотическими лозунгами, – питательная почва

²⁴ CFC. 1918. July 20. P. 219.

²⁵ Ibid. July 6. P. 13.

²⁶ Ibid. P. 16.

для возникновения авторитарной власти, диктатуры – это предприниматели США, связывавшие свое благополучие с демократическим обществом, понимали совершенно отчетливо.

Процесс огосударствления по-разному сказался на положении в обществе различных социальных групп, КФК задавалась вопросом: какие из них оказались в выигрыше? Газета была вполне солидарна с мнением “Уолл-стрит джорнел”, который в номере от 25 апреля 1918 г. без колебаний называл чрезмерно увеличившийся государственный аппарат, получивших власть и хорошо оплачиваемых чиновников²⁷. А как работает бюрократия, каждый мог убедиться на собственном горьком опыте. Достаточно было вспомнить анкету для призывников, составленную столь бестолково, что американцы часами ломали над ней голову!²⁸ “Что же будет с обществом, если по завершении войны чиновник останется у руководства экономикой?” – спрашивала КФК. Между тем именно такой вариант развития событий газета, ссылаясь на мнение вашингтонского корреспондента Д. Лауренса, считала наиболее вероятным. Исчезнут мотивы, побуждавшие предпринимателя наниматься на государственную службу (патриотизм, возможность добиться своей фирмы выгодного контракта). Он вернется в частный сектор. А в государственных структурах останутся люди, лишённые необходимых для управления современным производством качеств – широкого кругозора и профессионализма, способность взять на себя ответственность и вести творческий поиск²⁹.

В совершенно ином положении по сравнению с чиновником оказался собственник – предприниматель, фермер, банкир. В годы войны его деятельность была крайне ограничена государственными регламентациями и запретами. Если число рогаток на его пути будет и далее увеличиваться, то вынужденный подчиняться приказам сверху собственник постепенно утратит свои лучшие качества и начнет деградировать. “Какой смысл фермеру производить регулируемый естественными условиями объем зерна, чтобы накормить обычное количество людей и голов скота, если рынок будет определяться и ограничиваться обязательными для граждан приказами – что и сколько они должны потреблять?” – спрашивала газета³⁰.

А вот у рабочих, казалось, были все основания поддерживать вмешательство государства в экономику и социальные отношения. В годы войны профсоюзы добились от предпринимателей и государства значительного улучшения материального положения своих членов, условий их тру-

²⁷ Приведем лишь один пример. Штат Продовольственной администрации занимал в начале своей деятельности (август 1917 г.) “несколько комнат в отеле”. В конце 1918 г. его численность достигла 10 900 человек (1,9 тыс. работали в Вашингтоне, 9 тыс., значительная часть – добровольцы, в штатах). Расходы администрации составили 7,8 млн долл., из них 3,8 млн – зарплата сотрудников (см.: *Dickson M.R. The Food Front in World War I. Wash., 1944. P. 181*).

²⁸ CFC. 1918. Sept. 28. P. 1245; Dec. 21. P. 2323.

²⁹ Ibid. Apr. 17. P. 536–537.

³⁰ Ibid. July 13. P. 113.

да. Но самое главное, что вызывало тревогу КФК, было то, что социалисты оценивали опыт войны как безусловно подтверждавший их прогнозы о перспективах общественного развития. Огосударствление, считали они, – результат объективного процесса обобществления собственности при капитализме, идущего помимо воли и желания правящего класса и неуклонно, неумолимо приближающего общество к вступлению в век социализма. Следовало также учитывать, что союз между массовым рабочим движением (профсоюзы) и социалистическими лидерами был вполне возможен: многие профсоюзные вожди (к примеру, Чикагской федерации труда) заявляли о своей приверженности социалистическому идеалу.

Поэтому неудивительно желание капиталистической прессы, “проигрывавшей” наименее выгодный для себя ход развития событий, оттолкнуться от социалистической теории и предложить свое видение того общества, которое пропагандировали идейно-политические противники. Это достигалось, по мысли КФК, наложением их теоретических конструкций на анализ реальных процессов, протекавших в американском обществе.

Собственность будет объявлена “общественной” – ничьей; трудящиеся станут лишь ее формальными владельцами – вся громадная территория превратится “...в общественное фермерское хозяйство с работающими на ней арендаторами”³¹. Государство, выступив от имени “всего народа”, на деле будет обслуживать лишь узкий слой бюрократии. Будет проведена грань между личной свободой и правом собственности, что приведет к потере обществом источника своего богатства – предпринимателя, ищущего возможности увеличить прибыль, совершенствующего ассортимент предлагаемых гражданам товаров и услуг. Рабочий в условиях господства частной собственности мог продать свой товар – рабочую силу, поторговавшись о ее цене. Теперь всевластное государство подавляет любое недовольство, человек превращается в раба. Лишенная стимулов к труду личность не может проявить себя, работает “по инерции”, деградирует; вместе с ней нищает и все общество. “Потребности будут постоянно увеличиваться, а производство неуклонно сокращаться – и таким образом человечество придет к счастью”, – иронизировала КФК³².

По существу газета прогнозировала возможность перерождения “американской системы” в административно-бюрократическое, авторитарное государство под воздействием дальнейшего развития процессов огосударствления. С учетом своего прогноза КФК утверждала, что рабочий заинтересован в сохранении частной собственности не менее предпринимателя. Опасность крылась, однако, в том, что социалисты изображали “общество будущего” в розовых тонах, это делало его привлекательным для широких слоев граждан. А рабочий, лишенный видения социальной перспективы, попадался на крючок, тем более что радикалы

³¹ Ibid. P. 114; Sept. 21. P. 1131; Dec. 21. P. 2323.

³² Ibid. July 20. P. 219.

умело спекулировали на недовольстве, вызванном временным ухудшением их материального положения в конце войны³³.

Из приведенных выше рассуждений следовало: в мирные времена радикал особой опасности для американского общества не представлял. Однако он становился серьезной угрозой в экстремальных условиях войны, когда процесс огосударствления подтачивал “дерево американской свободы” изнутри. Все это объясняет, почему инициатива в борьбе за ликвидацию практики государственного регулирования экономики, социальной, политической, духовной жизни общества по нормам “чрезвычайного” периода, а также громоздкого административного аппарата исходила от предпринимателей. Это движение нельзя рассматривать обособленно от кампании травли и гонений левых сил в рабочем движении в 1919–1920 гг. Важнейшим общественно-политическим событием стали выборы в конгресс осенью 1918 г. Связывая политику периода войны с деятельностью демократической администрации, капитал делал ставку на республиканцев³⁴. Их успех оценивался деловым миром как доказательство правильности избранного курса, свидетельство поддержки его широкими массами граждан.

Так определяла пресса деловых кругов весьма неблагоприятные перспективы, открывавшиеся перед американским обществом в связи с охватывавшим все сферы его жизни процессом огосударствления. Разрушение базовых компонентов “американской системы”, демократических политических структур, качественные изменения в психологии и поведении различных общественных слоев, усиление влияния в обществе бюрократического аппарата и радикальных групп, готовящее почву для крупных социальных катаклизмов, – вот неполный перечень опасностей, подстерегавших республику на этом пути.

Даже самый общий анализ конкретно-исторической обстановки, сложившейся в США в годы первой мировой войны, позволяет утверждать, что у предпринимателей не было оснований оценивать перспективы развития буржуазно-демократического общества столь пессимистически. С учетом всех деформаций (“флюс” исполнительной власти, усиление роли федеральных властей в решении важнейших проблем за счет штатских и местных) система политических институтов оставалась надежным гарантом стабильности демократического общества. Отношения между В. Вильсоном и его ближайшим окружением, с одной стороны, и конгрессом – с другой, были очень сложными и не раз грозили перерасти в серьезный конфликт. Весь период был отмечен острой партийнополитической борьбой – президент был вынужден постоянно прислушиваться к голосу республиканской оппозиции³⁵.

³³ Ibid. Dec. 21. P. 2323; July 6. P. 14–15.

³⁴ Kennedy D. Over Here. The First World War and American Society. N.Y., etc., 1980. P. 232–245; Adler S. The Congressional Elections of 1918 // South Atlantic Quarterly. 1937. Oct. P. 447–465; CFC. 1918. Nov. 9. P. 1774.

³⁵ Livermore S.W. Politics Is Adjourned: Woodrow Wilson and the War Congress, 1916–1918. Seattle, 1966.

Расширение сферы полномочий государственных структур в жизни общества могло пробудить у чиновника не только тягу к большей, чем в обычные времена, самостоятельности, но и создать у него гипертрофированные представления о собственной значимости, роли административного аппарата в обществе. Однако едва ли следовало считать это свидетельством утраты чиновником желания служить интересам собственника, веры в идеалы американского общества. Думается, что подобный взгляд на вещи отражал недовольство многих предпринимателей практикой государственных служб, вынужденных ограничивать чрезмерные притязания отдельных групп бизнесменов для блага американского капитала в целом.

Наоборот, интересы собственника тщательно оберегались. В законодательных актах периода войны четко оговаривался срок их действия (наиболее яркий пример – железнодорожный транспорт)³⁶. Другое дело, что невозможно было предугадать всех ситуаций, возникавших с регламентацией деятельности частных корпораций. Отсюда и напряженность в их отношениях с государственными ведомствами. Об изменениях в психологии бизнесмена и менеджера, находившихся в период войны на государственной службе, можно было говорить с изрядной долей преувеличения: каждый осознавал временный характер своего положения.

Уступки профсоюзам были для административного аппарата мерой вынужденной, нацеленной на недопущение массовых выступлений и перебоев в работе промышленности (не имевшими, однако, ничего общего с потворством тред-юнионам и предубеждением по отношению к предпринимателям). В оценках явно завышался уровень организованности рабочих, их политической зрелости. Социалистическое движение, ослабленное репрессиями, теоретически беспомощное, массовой базы не имело.

Переоценка угрожавших американскому обществу опасностей в рассуждениях прессы деловых кругов сочеталась с явной недооценкой возможностей защитных механизмов, выработанных им за длительную историю своего существования. И тем не менее едва ли следует рассматривать предложенный анализ событий войны как чисто умозрительный, лишенный реальной основы. Его задачей было определить обозначавшиеся тенденции в развитии демократического общества, выделив те из них, которые представляли наибольшую опасность. Для буржуазии было важно выявить вирус, вызвавший болезнь, – пока он не поразил весь организм. Поэтому опыт войны справедливо рассматривался как исключительно полезный для демократии. Отмечался и ряд иных позитивных моментов. “Чрезвычайная” ситуация могла повториться; была выработана примерная модель функционирования общества в кризисной ситуации.

Далее, по мнению КФК, возвращение к “нормальным порядкам” не предполагало устранения всего ценного из практики государственного регулирования, что могло успешно работать в мирных условиях. Пред-

³⁶ *Stover J. The Life and Decline of the American Railroad. N.Y., 1970. P. 162–164.*

приниматели ряда отраслей считали деятельность правительственных служб полезной, вносящей известную упорядоченность в их работу. Добиваясь возвращения железных дорог в частные руки, глава Национальной ассоциации владельцев ценных бумаг железных дорог У. Вифилд выдвигал следующие принципы их функционирования: “разумное регулирование”, “частное управление”, “сохранение всех преимуществ личной инициативы”³⁷. Если судить по информации КФК, у бизнесменов и банкиров не возникало сомнений в необходимости совершенствовать Федеральную резервную систему, успешно прошедшую испытательный срок и укрепившуюся в годы войны.

За анализом отдельных событий различных сторон американской действительности в годы первой мировой войны явно просматривалась попытка деловых кругов и выражавшей их мнение прессы начать более широкое обсуждение перспектив развития США в частности и судеб мирового сообщества в целом. В период войны они определялись столкновением двух начал – демократического (Антанта) и военно-бюрократического, авторитарного (германский блок). Борьба не на жизнь, а на смерть заставила США и ее союзников использовать многое из опыта противника (методы организации экономики, социальной, политической, духовной жизни общества), создать мощные армии. Иными словами, демократия под давлением обстоятельств вынуждена была воспринять некоторые элементы военно-бюрократической модели и позволить им развиваться.

Могла ли чувствовать себя американская демократия спокойно и уверенно после победы над Германией? Революционный пожар в Европе не давал повода для особого оптимизма. Многие страны Старого Света являли собой поле ожесточенной битвы двух указанных тенденций и было не ясно, какая из них возобладает. А раз так, то место поверженной Германии могла занять другая держава, представив свою модификацию военно-бюрократической системы. Ее противоборство с демократическими государствами могло стать определяющим для судеб мира на ближайшие десятилетия. Деловые люди Америки все чаще обращали взгляд в сторону России, где бушевала гражданская война.

³⁷ CFC. 1918. Nov. 16. P. 1868.